

Дневник писателя

Антуан де Сент-Экзюпери

Можно
верить в людей...

Антуан де Сент-Экзюпери
Можно верить в людей...
Записные книжки
хорошего человека
Серия «Дневник писателя»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9244813

*Антуан де Сент-Экзюпери. Можно верить в людей... Записные книжки
хорошего человека: «ТД Алгоритм»; Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-1009-6*

Аннотация

Можно верить в людей, пока ты молод, пока мир – создание твоего воображения» – писал Экзюпери. Один из самых ярких писателей XX века прожил нелегкую жизнь, но ни на минуту он старался не терять святой веры в человека. Предлагаемая книга содержит в себе уникальные по своему художественному и историческому значению записные книжки, а также письма и телеграммы автора самых проникновенных и искренних произведений века. Путевые очерки о путешествии в Советскую Россию; дневниковые записи, рассказывающие о посещении Испании в годы гражданской войны; дневник 1939–1944 гг., впервые опубликованный во Франции лишь спустя несколько

десятилетий после смерти автора. Российскому читателю впервые предоставлена возможность увидеть то, как формировалась личность создателя «Маленького Принца», как изменялись его взгляды на жизнь.

Содержание

Вместо предисловия. Антуан де Сент-Экзюпери «Молитва»	6
Антуан де Сент-Экзюпери (Андре Моруа)	8
I. Промежуточные этапы	10
II. Законы действия	15
III. Творчество	25
IV. Философия	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Антуан де Сент-Экзюпери
Можно верить в людей...
Записные книжки
хорошего человека

© Переводчики: Я. Лесюк, Д. Кузьмин, Р. Грачев, Ю. Гинзбург, Л. Цывьян, Е. Баевская., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Вместо предисловия. Антуан де Сент-Экзюпери «Молитва»

...Господи, я прошу не о чудесах и не о миражах, а о силе каждого дня.

Научи меня искусству маленьких шагов.

Сделай меня наблюдательным и находчивым, чтобы в пестроте будней вовремя останавливаться на открытиях и опыте, которые меня взволновали.

Научи меня правильно распоряжаться временем моей жизни.

Подари мне тонкое чутье, чтобы отличать первостепенное от второстепенного.

Я прошу о силе воздержания и меры, чтобы я по жизни не порхал и не скользил, а разумно планировал течение дня, мог бы видеть вершины и дали, и хоть иногда находил бы время для наслаждения искусством.

Помоги мне понять, что мечты не могут быть помощью.

Ни мечты о прошлом, ни мечты о будущем.

Помоги мне быть здесь и сейчас и воспринять эту минуту как самую важную.

Убереги меня от наивной веры, что все в жизни должно быть гладко.

Подари мне ясное сознание того, что сложности, пораже-

ния, падения и неудачи являются лишь естественной составной частью жизни, благодаря которой мы растем и зреем.

Напоминай мне, что сердце часто спорит с рассудком.

Пошли мне в нужный момент кого-то, у кого хватит мужества сказать мне правду, но сказать ее любя!

Я знаю, что многие проблемы решаются, если ничего не предпринимать, так научи меня терпению.

Ты знаешь, как сильно мы нуждаемся в дружбе.

Дай мне быть достойным этого самого прекрасного и нежного Дара Судьбы.

Дай мне богатую фантазию, чтобы в нужный момент, в нужное время, в нужном месте, молча или говоря, подарить кому-то необходимое тепло.

Сделай меня человеком, умеющим достучаться до тех, кто совсем внизу. Убереги меня от страха пропустить что-то в жизни.

Дай мне не то, чего я себе желаю, а то, что мне действительно необходимо.

Научи меня искусству маленьких шагов!

Антуан де Сент- Экзюпери (*Андре Моруа*)

Авиатор, гражданский и военный летчик, эссеист и поэт, Антуан де Сент-Экзюпери, вслед за Виньи, Стендалем, Во-венаргом, вместе с Мальро, Жюлем Руа¹, а также несколькими солдатами и моряками, принадлежит к числу немногих романистов и философов действия, которых породила наша страна. В отличие от Кипплинга, он не просто восторгался людьми действия: он, подобно Конраду², и сам участвовал в деяниях, которые описал. На протяжении десяти лет он летал то над Рио-де-Оро, то над Андийскими Кордильерами; он затерялся в пустыне и был спасен владыками песков; однажды он упал в Средиземное море, а в другой раз – на горные цепи Гватемалы; он сражался в воздухе в 1940 году и вновь сражался в 1944. Покорители Южной Атлантики – Мермоз и Гийоме³ – были его друзьями. Отсюда та достоверность, которая звучит в каждом его слове, отсюда же

¹ Руа Жюль (род. 1907) – писатель и драматург, по профессии военный летчик.

² Конрад Джозеф (Юзеф Теодор Конрад Коженёвский, 1857–1924) – английский писатель польского происхождения, моряк по профессии. Большинство его книг посвящено морским приключениям

³ Мермоз Жан (1901–1936), Гийоме Анри (1897–1940) – летчики, участвовавшие, как и Сент-Экзюпери, в создании трансатлантической почтовой авиалинии Франция – Южная Америка.

берет начало и жизненный стоицизм, ибо деяние раскрывает лучшие качества человека.

Однако Люк Эстан, написавший превосходную книгу «Сент-Экзюпери о самом себе», прав, говоря, что деяние никогда не было для Сент-Экзюпери самоцелью. «Самолет не цель, только средство. Жизнь рискуешь не ради самолета. Ведь не ради плуга пашет крестьянин»⁴. И Люк Эстан прибавляет: «Он пашет и не для того, чтобы просто провести борозды, но для того, чтобы их засеять. Действие для самолета – то же, что пахота для плуга. Какие она сулит посевы и какой урожай можно будет собрать?» Я полагаю, что ответить на этот вопрос можно так: правила жизни – вот что сеешь, а урожай – это люди. Почему? Да потому, что человек способен постичь только то, в чем он сам принимал непосредственное участие. Вот откуда возникала та тревога, которая на моих глазах терзала Сент-Экзюпери в Алжире, в 1943 году, когда ему не разрешали летать. Он терял контакт с землею, потому что ему отказывали в небе.

⁴ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М., «Гослитиздат», 1964. – С. 9.

I. Промежуточные этапы

Многие современники рассказывали об этой краткой, но полной событий жизни. Вначале был Антуан де Сент-Экзюпери, «сильный, веселый, открытый» мальчуган, который в двенадцать лет уже изобретал аэроплан-велосипед и заявил, что он взлетит в небо под восторженные клики толпы: «Да здравствует Антуан де Сент-Экзюпери!» Учился он неровно, в нем проявлялись проблески гения, но заметно было, что ученик этот не создан для школьных занятий. В семье его называют Король Солнце⁵ из-за белокурых волос, венчающих голову; товарищи прозвали Антуана Звездочет, потому что нос его вздернут к небу. В действительности он уже тогда был Маленьким принцем, надменным и рассеянным, «всегда радостным и бесстрашным». Всю жизнь он сохранял связь со своим детством, он всегда оставался восторженным, любознательным и с успехом играл роль мага-волшебника, как бы в ожидании восторженных возгласов: «Да здравствует Антуан де Сент-Экзюпери!» И эти возгласы раздавались. Но только чаще говорили: Сент-Экз, Антуан или Тонию, потому что он неизменно становился частицей внутренней жизни всех тех, кто его знал или читал его книги.

Никогда еще, пожалуй, призвание авиатора не проявлялось в человеке более явственно, и никогда еще, пожалуй,

⁵ Король-Солнце – лстивое прозвище Людовика XIV.

человеку не было так трудно осуществить свое призвание. Военная авиация согласилась зачислить его только в запас. Лишь когда Сент-Экзюпери исполнилось двадцать семь лет, гражданская авиация позволила ему стать летчиком, а затем начальником аэродрома в Марокко – в пору, когда страну эту раздирали противоречия: «Маленький принц становится важным начальником».

Он публикует книгу «Южный почтовый» и приобщает небо к литературе, что не мешает ему оставаться смелым и энергичным пилотом, а затем техническим директором филиала компании «Аэропосталь» в Буэнос-Айресе – тут он работает бок о бок с Мермозом и Гийоме. Он попадает в многочисленные и тяжелые аварии. И только чудом остается в живых. В 1931 году он женится на вдове испанского писателя Гомеса Каррильо – Консуэло, уроженке Южной Америки: фантазия этой женщины приводит в восторг Маленького принца. Аварии продолжаютс; то Сент-Экз чуть не разбивается во время чудовищного падения, то после вынужденной посадки он оказывается затерянным в песках. И, мучимый изнурительной жаждой в самом сердце пустыни, он испытывает острую потребность вновь отыскать «Планету людей»!

1939 год. Вспыхивает война. И хотя врачи упорно признают, что Сент-Экзюпери совершенно негоден к полетам (следствие многочисленных переломов и контузий), он, в конце концов, добивается зачисления в разведывательную авиа-

группу 2/33. В дни вражеского вторжения, после нескольких боев группу эту отправляют в Алжир и личный состав ее демобилизуют. В конце года Сент-Экз прибывает в Нью-Йорк, где мы с ним и встретились. Там он пишет книгу «Военный летчик», снискавшую огромный успех в Соединенных Штатах, а также во Франции, в то время оккупированной врагом. Я всей душой привязался к нему и охотно повторил бы вслед за Леоном-Полем Фаргом: «Я его очень любил и всегда буду оплакивать». Да и как было не любить его? Он обладал одновременно силой и нежностью, умом и интуицией. Он питал пристрастие к ритуальным обрядам, он любил окружать себя атмосферой таинственности. Неоспоримый математический талант сочетался в нем с ребяческой тягой к игре. Он либо завладевал разговором, либо молчал, словно мысленно уносился на какую-нибудь иную планету.

Я бывал у него на Лонг-Айленд в большом доме, который они снимали с Консуэло, – там он писал «Маленького принца». Сент-Экзюпери работал по ночам. После обеда он разговаривал, рассказывал, показывал карточные фокусы, затем, ближе к полуночи, когда другие ложились спать, он усаживался за письменный стол. Я засыпал. Часа в два утра меня будили крики на лестнице: «Консуэло! Консуэло!.. Я голоден... Приготовь мне яичницу». Консуэло спускалась из своей комнаты. Окончательно проснувшись, я присоединялся к ним, и Сент-Экзюпери снова говорил, причем говорил он очень хорошо. Насытившись, он опять садился за рабо-

ту. Мы пытались снова заснуть. Но сон был недолгим, ибо часа через два весь дом заполняли громкие крики: «Консуэло! Мне скучно. Давай сыграем в шахматы». Затем он читал нам только что написанные страницы, и Консуэло, сама поэт, подсказывала искусно придуманные эпизоды.

Когда генерал Бетуар⁶ прибыл в Соединенные Штаты за вооружением, мы оба – Сент-Экз и я – вновь попросили зачислить нас на службу во французскую армию в Африке. Он уехал из Нью-Йорка на несколько дней раньше меня и, когда я сошел с борта самолета в Алжире, уже встречал меня на аэродроме. Вид у него был несчастный. Ведь Антуан так сильно ощущал узы, объединяющие людей, он всегда чувствовал себя в какой-то мере ответственным за судьбы Франции, и вот теперь он обнаружил, что французы разделены. Два генеральных штаба противостояли друг другу. Он был зачислен в резерв командования и не знал, разрешат ли ему летать. Ему было уже сорок четыре года, а он упорно и настойчиво добивался, чтобы ему позволили управлять самолетом «П-38», быстрой машиной, созданной для более молодых сердец. В конце концов, благодаря вмешательству одного из сыновей Рузвельта, Сент-Экзюпери получил на это согласие. А в ожидании он работал над новой книгой (или поэмой), которая позднее была названа «Цитадель».

Произведенный в чин майора, он сумел присоединиться

⁶ Военная миссия «Сражающейся Франции» во главе с генералом А. Бетуаром (род. 1889) прибыла в США в 1942 г.

к дорогой его сердцу разведывательной группе 2/33, группе «Военного летчика», но начальники, тревожась за его жизнь, неохотно разрешали ему полеты. Ему пообещали пять таких полетов, он вырвал согласие еще на три. Из восьмого полета над оккупированной в то время Францией он не возвратился. Он вылетел в 8 часов 30 минут утра, а к 13 часам 30 минутам его все еще не было. Товарищи по эскадрилье, собравшись в офицерской столовой, ежеминутно смотрели на часы. Теперь у него оставалось горючего всего на один час. В 14 часов 30 минут не осталось больше никакой надежды. Все долго хранили молчание. Потом командир эскадрильи сказал одному из летчиков:

«Вы выполните задание, порученное майору де Сент-Экзюпери».

Все закончилось так, как в романе Сент-Экзз, и можно было легко представить себе, что, когда у него не осталось больше горючего и, быть может, надежды, он, подобно одному из своих героев, устремил самолет ввысь – к небесному полю, густо усеянному звездами.

II. Законы действия

Законы героического мира постоянны, и мы вправе ожидать, что обнаружим их в творчестве Сент-Экзюпери почти такими же, какими мы их знали в повестях и рассказах Киплинга.

Первый закон действия – дисциплина. Дисциплина требует, чтобы подчиненный уважал своего начальника; она требует также, чтобы начальник был достоин такого уважения и, чтобы он, со своей стороны, уважал законы. Нелегко, совсем нелегко быть начальником! «О господи, я жил могучий, одинокий!»⁷ – восклицает Моисей у Альфреда де Виньи. Ривьер, под началом у которого находятся летчики в «Ночном полете», добровольно замыкается в одиночестве. Он любит своих подчиненных, питает к ним какую-то сумрачную нежность. Но как может он открыто быть их другом, если он обязан быть суровым, требовательным, безжалостным? Ему трудно наказывать, больше того – он отлично знает, что наказание порою несправедливо, что человек не мог поступить иначе. Однако только строжайшая дисциплина оберегает жизнь остальных летчиков и обеспечивает регулярное несение службы. «Правила, – пишет Сент-Экзюпери, – похожи на религиозные обряды: они кажутся неле-

⁷ Строка из стихотворения Виньи «Моисей» (1822).

пыми, но они формируют людей»⁸. Порою необходимо, чтобы один человек принес себя в жертву ради спасения множества других. На плечи начальника ложится ужасная ответственность – избрать жертву, и, если приходится пожертвовать другом, он даже не имеет права выказать свою тревогу. «Любите подчиненных, но не говорите им об этом»⁹.

Что дает начальник своим людям в обмен на их послушание? Он дает им «директивы»; для них он подобен маяку в ночи действия, указывающему летчику путь. Жизнь – это буря; жизнь – это джунгли; если человек не борется с волнами, если он не борется с густым переплетением лиан, он погиб. Постоянно подстегиваемый твердой волей начальника, человек побеждает джунгли. Тот, кто подчиняется, считает законной суровость того, кто им командует, если суровость эта играет роль постоянных и надежных доспехов, служит защите его жизни. «Эти люди... любят свое дело, и любят его потому, что я строг»¹⁰, – говорит Ривьер.

Что еще дает начальник людям, которыми он командует? Он дает им победу, величие, долгую память в сердцах современников. Созерцая воздвигнутый на горе храм инков, который один только уцелел от погибшей цивилизации, Ривьер вопрошает себя: «Во имя какой суровой необходимости – или странной любви – вождь древних народов принудил тол-

⁸ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М.: «Гослитиздат», 1964. – С. 122.

⁹ Там же, С. 129.

¹⁰ Там же, С. 123.

пы своих подданных возвести этот храм на вершине и, тем самым, заставил их воздвигнуть вечный памятник самим себе?»¹¹ На это какой-нибудь доброжелательный человек, без сомнения, ответил бы: «Разве не лучше было бы не строить этот храм, но зато и не заставлять никого страдать, возводя его?» Однако человек – существо благородное, и он любит величие больше удобств, больше счастья.

Но вот приказание отдано, люди начинают действовать, и тогда по законам героического мира в дело вступает дружба между сотоварищами. Узы общей опасности, общей самоотверженности, общих технических средств сначала рожают эту дружбу, а затем поддерживают ее. «Таковы уроки, которые преподали нам Мермоз и другие наши товарищи. Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего, в том и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком»¹². Работать ради материальных благ? Какой самообман! Таким путем человек приобретает всего лишь прах и пепел. И это не может принести ему то, ради чего стоит жить. «Я перебираю самые неизгладимые мои воспоминания, подвожу итог самому важному из пережитого – да, конечно, всего значительней, всего весомей были те часы, каких не принесло бы мне все золото мира». У богача есть сотрапезники и прихлебатели, у человека могущественного – придворные, у чело-

¹¹ Там же, С. 154.

¹² Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М., «Гослитиздат», 1964. – С. 190.

века действия – товарищи, они же – и его друзья.

«Мы были слегка возбуждены, как на пиру. А меж тем ничего у нас не было. Только ветер, песок да звезды. Суровая нищета в духе траппистов¹³. Но за этим скудно освещенным столом горсточка людей, у которых в целом свете не осталось ничего, кроме воспоминаний, делилась незримыми сокровищами.

Наконец-то мы встретились. Случается, долго бредешь бок о бок с людьми, замкнувшись в молчании либо перекидываясь незначащими словами. Но вот настает час опасности. И тогда мы друг другу опора. Тогда оказывается – все мы члены одного братства. Приобщаешься к думам товарищей и становишься богаче. Мы улыбаемся друг другу. Так выпущенный на волю узник счастлив безбрежностью моря»¹⁴.

Находясь рядом с другими людьми в составе эскадрильи, в армии, на заводе или в спортивной команде, человек, забывая о самом себе, обретает себя. «Мы дышим полной грудью лишь тогда, когда связаны с нашими братьями и есть у нас общая цель; и мы знаем по опыту: любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – значит вместе смотреть в одном направлении. Товарищи лишь те, кто единой связкой, как альпинисты, совершают восхождение на одну и

¹³ Трапписты – католический монашеский орден, отличающийся суровым уставом.

¹⁴ Там же, С. 191–192.

ту же вершину»¹⁵. Именно потому, что товарищи по общему делу верят человеку, а он хочет быть достойным их доверия, он и становится в полном смысле слова человеком.

И, даже находясь вдали от своего отряда, он будет хранить в своем сердце эту потребность в понимании и одобрении своих товарищей. Затерянному в снегах, дошедшему до крайнего изнеможения Гийоме мучительно хотелось лечь на землю и уснуть последним сном: «Товарищи верят, что я иду. Все они верят в меня. Подлец я буду, если остановлюсь...»¹⁶. Впрочем, эта мужская дружба, это товарищество в свою очередь отличается суровостью: «Когда товарищ умирает... это никого не удивляет, – таково наше ремесло». И все же ни один вновь приобретенный друг не сможет заменить погибшего товарища: «Старых друзей наскоро не создашь!»¹⁷

Какую роль играет в этом героическом мире женщина? В произведениях Киплинга женщина выступает либо как подруга в опасностях и трудах («Голод»), либо как соблазнительница, отрывающая человека от его призвания («История семейства Гэдсби»)¹⁸. Порой в романах Сент-Экзюпери на заднем плане проходят жены летчиков – нежные, любя-

¹⁵ Там же, С. 284.

¹⁶ Там же, С. 196.

¹⁷ Там же, С. 189, 190.

¹⁸ «Голод» – название, данное во французском переводе рассказу Р. Киплинга «Вильгельм Завоеватель» (из сборника «Дневное задание», 1899); «История семейства Гэдсби» – цикл сюжетно связанных рассказов Киплинга (1888)

щие, покорно обрекшие себя на жизнь, связанную с постоянным ожиданием человека, которого каждый день подстерегает смерть. В былые времена человек действия идеализировал женщину, с которой он был разлучен. Так, крестовые походы вызвали к жизни Прекрасных дам, Знатных дам средневековых героических песен. Но, когда наблюдаешь за героями Сент-Экзюпери, начинает казаться, что у летчика гораздо меньше времени грезить об отсутствующей возлюбленной, чем у солдата или моряка. Для летчика опасность более постоянна. Если глохнет мотор – это смерть. Если во время полета на большой высоте засорится баллон с кислородом, летчик засыпает вечным сном. Что для такого человека далекие города и женщины? Всего лишь остановка в пути. Юная девушка, которую мельком видит герой, на мгновение волнует его своей строгой красотой («Военный летчик»). Но что делать? Ему ведь надо лететь дальше.

Летчик отличается от всех других людей действия еще и тем, что мир его необычайно абстрактен. Когда смотришь на землю с огромной высоты, она кажется как бы пустой. Девять часов из десяти самолет парит над океаном, или над пустыней, или над джунглями. Между Марракешем и Дакаром людей так мало, что чудится, будто они еще не вполне осели на земле. Между Дакаром и Бразилией вообще нет следов человека. Да и в самой Бразилии – множество заболоченных мест и лесов, где никогда не ступает нога человека. Для воздушного путешественника климат и времена года

– понятия неустойчивые. Он переходит от весны к зиме, а еще через несколько часов возвращается к лету. Жизнь для него поистине сон. Ей присущи безрассудство и внезапные перемены, свойственные сновидениям. Сент-Экзюпери рассказывает, что когда он впервые опустился на землю Африки, то пробыл там всего 30 секунд. Его уже ожидал другой самолет, к которому он, едва приземлившись, сразу же подпустил, подчиняясь сигналу. «Вы тотчас же отправитесь во Францию с почтой», – сказал ему начальник, и Сент-Экзюпери немедленно улетел. Разве Африка может быть для летчика такой, какой она была для спаги или стрелка колониальных войск? Для летчика многие города – всего лишь взлетное поле, место для посадки. Где бы он ни побывал – в Мельбурне или Чунцине, в Калькутте или Нью-Йорке, в Тунисе или Рио-де-Оро, – он увидит только взлетные дорожки, ангары, бензовозы, песок, утрамбованный грунт, да еще, быть может, несколько деревьев вдалеке.

Реальность для него – в другом месте. Реальность человеческого общества – это эскадрилья, это товарищи по воздушной линии; что касается реальности природы, то ее он познает с помощью самолета. Он познает ее, как крестьянин: «Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги. Ибо земля нам сопротивляется. Человек познает себя в борьбе с препятствиями. Но для этой борьбы ему нужны орудия. Нужен рубанок или плуг. Крестьянин, возделывая свое поле, мало-помалу вырывает у природы разгадку

иных ее тайн и добывает всеобщую истину. Так и самолет – орудие, которое прокладывает воздушные пути, приобщает человека к вечным вопросам»¹⁹.

Состояние моря, морские течения, различные предвестники бурь, ясность небосвода – все это ведомо и понятно моряку, потому что он должен думать о спасении деревянного или металлического корпуса своего корабля. Летчик же привыкает вопрошать облака, ямы на воздушных дорогах и неровности почвы. Обратите внимание на то, как в книге «Планета людей» опытный летчик описывает Испанию своему товарищу, которому предстоит в первый раз лететь над этой страной. Он говорит не о городах, не о людях, но о каком-то ручье, который коварно размывает луг, о трех апельсиновых деревьях, что мешают приземлению, о стаде баранов, которое опасно своим неистовством. Перечтите строки об отступлении 1940 года; вот как оно выглядело с высоты птичьего полета: «И вот я лечу над дорогами, а по ним бесконечной рекой течет черная патока»¹². Когда летчик говорит о людской реке, то для него это не поэтический образ, а просто точное и правдивое описание того, что он видит. Любое описание приобретает смысл только тогда, когда человек смотрит сквозь призму своей профессии. Летчик мыслит масштабами созвездий и континентов. Ну а что может знать о мире, скажем, чиновник?

«Старый чиновник, сосед мой по автобусу, никто никогда

¹⁹ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М., «Гослитиздат», 1964. – С. 173.

не помог тебе спастись бегством, и не твоя в том вина. Ты построил свой тихий мирок, замуровал наглухо все выходы к свету, как делают термиты. Ты свернулся клубком, укрылся в своем обывательском благополучии, в косных привычках, в затхлом провинциальном укладе; ты воздвиг этот убогий оплот и спрятался от ветра, от морского прибоя и звезд. Ты не желаешь утруждать себя великими задачами, тебе и так немалого труда стоило забыть, что ты – человек. Нет, ты не житель планеты, несущейся в пространстве, ты не задаешься вопросами, на которые нет ответа: ты просто-напросто обыватель города Тулузы. Никто вовремя не схватил тебя и не удержал, а теперь уже слишком поздно. Глина, из которой ты слеплен, высохла и затвердела, и уже ничто на свете не сумеет пробудить в тебе уснувшего музыканта, или поэта, или астронома, который, быть может, жил в тебе когда-то.

Я уже не в обиде на дождь, что хлещет в окна. Колдовская сила моего ремесла открывает предо мною иной мир – через каких-нибудь два часа я буду сражаться с черными драконами и с горными хребтами, увенчанными гривой синих молний, и с наступлением ночи, вырвавшись на свободу, проложу свой путь по звездам»²⁰.

Человек действия – поэт в самом высоком смысле слова, ибо он «тот, кто создает, тот, кто творит»²¹. Я любил слушать, как Сент-Экзюпери (на этот раз я говорю уже о чело-

²⁰ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М.: «Гослитиздат», 1964. – С. 181.

²¹ Имеется в виду древнегреческая этимология слова «поэт».

веке, а не о писателе) описывал какое-нибудь событие. Порой — даже находясь в обществе друзей — он долго хранил молчание. Внезапно, когда кто-нибудь касался волновавшей его темы, он оживлялся и стремительно вступал в разговор. Разбирая какую-нибудь проблему стратегии или даже политики, он делает ее очень ясной и простой, потому что видит все как бы с высоты. Он говорит, как ученый, прибегая к самым точным словам и неоспоримым доводам. Но в то же время он говорит, как поэт. Люди и даже неодушевленные предметы словно оживают в его речах. Фраза течет свободно, она разделена на короткие периоды, никогда она не походит на ораторский оборот, она, точно жест, подтверждает мысль. Образы поражают новизной и неожиданностью, часто они берут начало в его профессии. Окружающие с восхищением слушают его до той минуты, когда, окончив свою поэму или завершив цепь доказательств, Сент-Экз вновь погружается в безмолвие, начинает показывать карточные фокусы или затягивает песню. Ибо существует еще один закон героического деяния: оно порождает людей, которым очень трудно приноравливаться к светским и социальным условиям.

III. Творчество

Можно ли назвать его книги романами? Едва ли. От произведения к произведению элемент вымысла в них все сокращается. Скорее это эссе о деянии, о людях, о Земле, о жизни. Декорация почти всегда изображает летное поле. И дело тут не в стремлении писателя прослыть специалистом, а в его тяге к искренности. Ведь именно так живет и мыслит автор. Отчего же ему не описывать мир сквозь призму своей профессии, коль скоро именно таким способом он, как всякий летчик, вступает в контакт с окружающим миром.

«Южный почтовый» – это самая романтическая книга Сент-Экзюпери. Летчик Жак Бернис, пилот компании «Аэропосталь», возвращается в Париж и встречается там подругу своего детства – Женевьеву Эрлен. Муж у нее человек посредственный; ее ребенок умирает; она любит Берниса и соглашается уехать с ним. Но почти тотчас же Жак понимает, что они не созданы друг для друга. Чего он ищет в жизни? Он ищет «сокровище», в котором заключена истина, «ключ к разгадке» жизни. Сначала он надеялся найти его в женщине. Неудача. Позднее он, как Клодель, надеялся найти его в Соборе Парижской богородицы, куда Бернис зашел, потому что он чувствовал себя слишком несчастным; но и эта надежда обманула его. Быть может, ключ к разгадке лежит в ремесле? И Бернис упорно, мужественно везет почту

в Дакар, летя над Рио-де-Оро. Однажды автор находит труп Жака Берниса – летчика сразили пули арабов. Но почта была спасена. Она будет доставлена в Дакар в установленный срок.

«Ночной полет» относится к южноамериканскому периоду жизни Сент-Экзюпери. Для того, чтобы почта, полученная из Патагонии, из Чили, из Парагвая, вовремя прибыла в Буэнос-Айрес, пилотам компании «Аэропосталь» придется лететь ночью над нескончаемыми горными хребтами. Если там их настигает буря, если они сбиваются с пути, они обречены. Но их начальник, Ривьер, знает, что на такой риск необходимо идти. Вместе с Ривьером, вместе с одним из инспекторов, Робино, вместе с женой летчика Фабьена мы следим за продвижением трех самолетов во время грозы. Один из них, самолет Фабьена, сбивается с курса. Перед ним словно смыкаются цепи Кордильер. У летчика остается всего на полчаса горючего, он понимает, что надежды больше нет. И тогда он поднимается к звездам, туда, где нет ни одного живого существа, кроме него самого. Завоеватель легендарных сокровищ, Фабьен погибнет. Молодая женщина, зажженная ею лампа, с такой любовью приготовленный обед тщетно будут ожидать его. Тем не менее, Ривьер, который также на собственный лад любил Фабьена, с холодным отчаянием занимается отправкой почты в Европу. Ривьер прислушивается к тому, как трансатлантический самолет «возникнет, прокочет и растает», словно грозная поступь армии, движу-

щейся среди звезд. Стоя перед окном, Ривьер думает:

«Победа... поражение... эти высокие слова лишены всякого смысла... Победа ослабляет народ; поражение пробуждает в нем новые силы... Лишь одно следует принимать в расчет: движение событий.

Через пять минут радисты поднимут на ноги аэродромы. Все пятнадцать тысяч километров ощутят биение жизни; в этом – решение всех задач.

Уже взлетает к небу мелодия органа: самолет.

Медленно проходя мимо секретарей, которые сгибаются под его суровым взглядом, Ривьер возвращается к своей работе. Ривьер Великий, Ривьер Победитель, несущий груз своей трудной победы»²².

«Планета людей» – это прекрасный сборник эссе, некоторые из них имеют форму новеллы. Рассказ о первом полете над Пиренеями, о том, как старые, опытные летчики приобщают к ремеслу новичков, о том, как во время полета происходит борьба с «тремя изначальными божествами – с горами, морем и бурей»²³. Портреты товарищей автора: Мермоза, исчезнувшего в океане, Гийоме, который спасся в Андах благодаря своему мужеству и упорству... Эссе о «Самолете и планете», небесные пейзажи, оазисы, посадка в пустыне, в самом стане мавров, и рассказ о том дне, когда, затерявшись в ливийских песках, точно в густой смоле, сам автор едва не

²² Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М.: «Гослитиздат», 1964. – С. 171.

²³ Там же, С. 187.

умер от жажды. Но сюжеты сами по себе мало что значат; важнее то, что человек, который обзирает с такой высоты планету людей, знает: «Один лишь Дух, коснувшись глины, творит из нее Человека»²⁴. За последние двадцать лет слишком много писателей прожужжали нам уши разговорами о слабостях человека. Наконец-то нашелся писатель, который говорит нам о его величии. «Ей-богу, я такое сумел, – восклицает Гийоме, – что ни одной скотине не под силу!»²⁵

Наконец, «Военный летчик». Эта книга написана Сент-Экзюпери после короткой кампании – и поражения – 1940 года... Во время немецкого наступления во Франции капитан де Сент-Экзюпери и экипаж самолета получают от своего начальника, майора Алиаса, приказ совершить разведывательный полет над Аррасом. Вполне возможно, что во время этого полета их встретит смерть, смерть бесполезная, так как им поручено собрать сведения, которые они уже никому не смогут передать, – дороги будут безнадежно забиты, телефонная связь прервана, генеральный штаб переместится в другое место. Отдавая приказ, майор Алиас и сам знает, что приказ этот бессмыслен. Но что тут можно сказать? Никому и в голову не приходит сетовать. Подчиненный отвечает: «Слушаюсь, господин майор... Так точно, господин майор...» – и экипаж отправляется на выполнение ставшего бесполезным задания.

²⁴ Там же, С. 293.

²⁵ Там же, С. 194.

Книга состоит из размышлений летчика во время полета к Аррасу, а затем, во время его возвращения, посреди рвущихся вокруг вражеских снарядов и висящих над ним вражеских истребителей. Размышления эти возвышенны. «Так точно, господин майор...» Почему майор Алиас посылает своих подчиненных, которые являются в то же время его друзьями, на бессмысленную гибель? Почему тысячи молодых людей согласны погибнуть в ходе сражения, которое, судя по всему, уже проиграно? Потому что они понимают: участвуя в этом безнадежном бою, они поддерживают дисциплину в армии и укрепляют единство Франции. Они хорошо знают, что им не удастся за несколько минут, совершив несколько героических поступков и, принеся в жертву несколько жизней, превратить побежденных в победителей. Но они знают также, что поражение можно превратить в отправной пункт на пути к возрождению нации. Почему они сражаются? Что ими движет? Отчаяние? Вовсе нет.

«Есть истина более высокая, чем все доводы разума. Что-то проникает в нас и управляет нами, чему я подчиняюсь, но чего не сумел еще осознать. У дерева нет языка. Мы – ветви дерева. Есть истины очевидные, хотя их и невозможно выразить словами. Я умираю не для того, чтобы задержать нашествие, потому что нет такой крепости, укрывшись в которой я мог бы сопротивляться вместе с теми, кого люблю. Я умираю не ради спасения чести, потому что не считаю, что задета чья-либо честь, – я отвергаю судей. И я умираю не от

отчаяния. И все-таки я знаю: Дютертр, который сейчас смотрит на карту, рассчитает, что Аррас находится где-то там, на курсовом угле сто семьдесят пять градусов, и через полминуты скажет мне:

– Курс сто семьдесят пять, господин капитан...

И я возьму этот курс»²⁶.

Так размышлял французский летчик в ожидании гибели над охваченным пламенем Аррасом; и до тех пор, пока у таких людей будут такие мысли, и пока они будут излагать их столь возвышенным языком, французская цивилизация не погибнет. «Слушаюсь, господин майор...» Сент-Экз и его товарищи не скажут ничего другого. «Завтра мы тоже ничего не скажем. Завтра для свидетелей мы будем побежденными. А побежденные должны молчать. Как зерна»²⁷.

Испытываешь крайнее изумление, что нашлись критики, которые сочли эту прекрасную книгу «пораженческой». А вот я не знаю другой книги, которая вселяла бы большую веру в будущее Франции.

«Поражение... Победа... (повторяет автор вслед за Ривьером). Я плохо разбираюсь в этих формулах. Есть победы, которые наполняют воодушевлением, есть и другие, которые принижают. Одни поражения несут гибель, другие – пробуждают к жизни. Жизнь проявляется не в состояниях, а в действиях. Единственная победа, которая не вызывает у меня

²⁶ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М.: «Гослитиздат», 1964. – С. 366–367.

²⁷ Там же, С. 419.

сомнений, это победа, заложенная в силе зерна. Зерно, брошенное в чернозем, уже одержало победу. Но должно пройти время, чтобы наступил час его торжества в созревшей пшенице»²⁸.

Французские семена прорастут. Они уже пустили ростки с той поры, когда был написан «Военный летчик», и новая жатва близится. И Франция, которая долго страдала, терпеливо ожидая новой весны, сохраняет признательность Сент-Экзюпери за то, что он ни разу не отрекся от нее.

«Раз я неотделим от своих, я никогда от них не отрекись, что бы они ни сделали. Я никогда не стану обвинять их перед посторонними. Если я смогу взять их под защиту, я буду их защищать. Если они покроют меня позором, я затаю этот позор в своем сердце и промолчу. Что бы я тогда ни думал о них, я никогда не выступлю свидетелем обвинения...

Вот почему я не снимаю с себя ответственности за поражение, из-за которого не раз буду чувствовать себя униженным. Я неотделим от Франции. Франция воспитала Ренуаров, Паскалей, Пастеров²⁹, Гийоме, Ошедэ. Она воспитала также тупиц, политиканов и жуликов. Но мне кажется, слишком удобным провозглашать свою солидарность с одними и отрицать всякое родство с другими.

Поражение раскалывает. Поражение разрушает построен-

²⁸ Там же, С. 397.

²⁹ Ренуар Пьер Огюст (1841–1919) – художник-импрессионист; Пастер Луи (1822–1895) – химик и биолог, основатель микробиологии.

ное единство. Нам это угрожает смертью; я не буду способствовать такому расколу, сваливая ответственность за разгром на тех из моих соотечественников, которые думают иначе, чем я. Подобные споры без судей ни к чему не ведут. Мы все были побеждены...»³⁰.

Признавать свою собственную, а не только чужую ответственность за поражение – это не пораженчество; это справедливость. Призывать французов к единству, которое делает возможным будущее величие, – это не пораженчество; это патриотизм. «Военный летчик», без сомнения, останется в истории французской литературы книгой столь же значительной, как «Рабство и величие солдата».

Разумеется, я не стану даже пытаться «объяснить» «Маленького принца». Эта «детская» книга для взрослых изобилует символами, и символы ее прекрасны, потому что они кажутся одновременно прозрачными и туманными. Главное достоинство произведения искусства заключается в том, что оно выражает само по себе, независимо от абстрактных концепций. Кафедральный собор не нуждается в комментариях, как не нуждается в аннотациях звездный небосвод. Я допускаю, что «Маленький принц» – некое воплощение Тонио-ребенка. Но подобно тому, как «Алиса в Стране Чудес»³¹ была одновременно и сказкой для девочек, и сатирой на виктори-

³⁰ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М.: «Гослитиздат», 1964. – С. 399–400.

³¹ «Алиса в Стране Чудес» – сказка английского математика и писателя Льюиса Кэрролла (1865).

анское общество, так и поэтическая меланхолия «Маленького принца» включает в себе целую философию. «Короля тут слушают лишь в тех случаях, когда он приказывает сделать то, что и без этого осуществилось бы; фонарщика тут уважают потому, что он занят делом, а не самим собою; делового человека тут осмеивают, так как он полагает, что можно «владеть» звездами и цветами; Лис тут позволяет приручить себя, чтобы различать шаги хозяина среди тысяч других. «Узнать можно только те вещи, которые приручишь, – говорит Лис. – Люди покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей»³².

«Маленький принц» – творение мудрого и нежного героя, у которого было много друзей.

Теперь следует поговорить о «Цитадели», посмертно изданной книге Сент-Экзюпери: он оставил для нее множество набросков и заметок, но у него не хватило времени, чтобы отшлифовать это произведение и поработать над его композицией. Вот почему так трудно судить об этой книге. Сам автор, несомненно, придавал «Цитадели» большое значение. То был как бы итог, обращение, завещание. Жорж Пелисье, который был в Алжире близким другом Сент-Экза, утверждает, что в этом сочинении следует видеть квинт-эссенцию мыслей писателя; он сообщает нам, что первый набросок носил заглавие «Владыка берберов» и одно время

³² Там же, С. 392.

Сент-Экзюпери хотел назвать эту поэму в прозе «Каид»³³, но затем вернулся к первоначальному варианту заглавия, «Цитадель». Еще один из друзей писателя, Леон Верт³⁴, пишет: «Текст «Цитадели» – всего лишь оболочка. И самая внешняя. Это собрание заметок, записанных с помощью диктофона, заметок устных, заметок беглых... «Цитадель» – это импровизация».

Другие высказывались более сдержанно. Люк Эстан, который так восхищается Сент-Экзюпери, автором «Ночного полета» и «Планеты людей», признается в том, что он не приемлет «этот монотонный речитатив восточного владыки-патриарха». А ведь этот «монотонный речитатив» занимает сотни страниц. Кажется, что неумолимо течет песок: «Набираешь в горсть песку: искрятся красивые блестки, но они тотчас же исчезают в монотонном течении, в котором увязает и читатель. Внимание рассеивается: восхищение уступает место скуке». Это правда. Уже сама природа произведения таит в себе опасность. Есть нечто искусственное в том, что современный нам житель Западной Европы усваивает тон, присущий книге Иова. Евангельские притчи возвышенны, но они лаконичны и полны тайны, между тем как «Цитадель» растянута и дидактична. В этой книге, конечно же, есть кое-что от «Заратустры»³⁵ и «Речей верующе-

³³ Каид – арабский вождь племени.

³⁴ Верт Леон (1879–1955) – писатель и художественный критик.

³⁵ «Заратустра» – «Так говорил Заратустра», лирико-философская книга Ф.

го» Ламенне, конечно же, ее философия остается философией «Военного летчика», но нет в ней жизненного стержня.

И все-таки блески, остающиеся в тигле после чтения этой книги, из чистого золота. Ее тема в высшей степени характерна для Сент-Экзюпери. Старый владыка пустыни, который делится с нами своей мудростью и опытом, был в прошлом кочевником. Затем он понял, что человек может обрести мир, только если он воздвигает свою цитадель. Человек испытывает потребность в собственном крове, в своем поле, в стране, которую он может любить. Груда кирпичей и камней – еще ничто, ей не хватает души зодчего. Цитадель возникает, прежде всего, в сердце человека. Она соткана из воспоминаний и обрядов. И самое главное – хранить верность этой цитадели, «ибо мне никогда не украсить храм, если я каждое мгновение начинаю возводить его заново». Если человек рушит стены, желая обрести этим свободу, он сам уподобляется «полуразрушенной крепости». И тогда им овладевает тревога, потому что он перестает ощущать свое реальное существование. «Мои владения – это не стада, не поля, не дома и не горы, это нечто совсем иное, это то, что главенствует над ними и связует их воедино».

И цитадель и жилище скреплены узами определенных отношений. «И обряды занимают такое же место во времени, какое занимает жилище в пространстве». Хорошо, когда время также представляет собою как бы некое сооруже-

ние и человек постепенно переходит от праздника к празднику, от годовщины к годовщине, от одного сбора винограда к другому. Уже Огюст Конт, а вслед за ним Ален доказывали важность церемоний и торжественных обрядов, ибо без этого, считали они, не может существовать человеческое общество. «Я вновь учреждаю иерархию, – говорит владыка пустыни. – Сегодняшнюю несправедливость я преобразую в завтрашнюю справедливость. И таким путем я облагораживаю свое царство». Сент-Экзюпери, подобно Валери, восхваляет условности. Ибо если уничтожить условности и забыть о них, человек снова становится дикарем. «Несносный болтун» упрекает кедр за то, что он не пальма, он хотел бы уничтожить все вокруг и стремится к хаосу. «Однако жизнь противится беспорядку и стихийным наклонностям».

Такая же строгость и в вопросах любви. «Я замыкаю женщину в браке и повелеваю побивать камнями неверную супругу, уличенную в прелюбодеянии». Разумеется, он понимает, что женщина – существо трепетное, она вся во власти мучительного желания быть нежной и потому взывает к любви во мраке ночи. Но тщетно станет она переходить из шатра в шатер, ибо ни одному мужчине не дано удовлетворить ее желания полностью. А раз так, для чего разрешать ей менять супруга? «Я спасаю только ту женщину, которая не преступает запрета и дает волю своим чувствам лишь в мечтах. Я спасаю ту, которая любит не любовь вообще, а лишь того мужчину, чей облик воплотил для нее любовь». Женщина

также должна воздвигнуть цитадель в своем сердце.

Кто так повелевает? Владыка пустыни. А кто повелевает владыкой пустыни? Кто диктует ему это почтение к условностям и прочным узам? «Упрямо я поднимался к богу, чтобы спросить его о смысле вещей. Но на вершине горы я обнаружил только тяжелую глыбу черного гранита, она-то и была богом». И он молит бога вразумить его. Однако гранитная глыба остается непроницаемой. И должна вовеки пребывать такой. Бог, который разрешает себя разжалобить, – уже не бог. «Он уже не бог и тогда, когда прислушивается к молитве. Впервые в жизни я постиг, что величие молитвы состоит прежде всего в том, что она не находит отклика, в том, что это общение между верующим и богом не омрачается неприглядной сделкой. И урок молитвы – это урок молчания. И любовь возникает только тогда, когда уже не ждут дара. Любовь – это, прежде всего, упражнение в молитве, а молитва – упражнение в молчании».

Вот, быть может, последнее слово мистического героизма.

IV. Философия

Были люди, которым хотелось бы, чтобы Сент-Экзюпери удовлетворялся тем, что он писатель, небесный путешественник, и они говорили: «Зачем он постоянно пытается философствовать, когда он отнюдь не философ». А вот мне как раз нравится, что Сент-Экзюпери философствует.

«Надо думать с помощью своих рук», – писал некогда Дени де Ружмон³⁶. Летчик думает с помощью всего своего тела и с помощью своего летательного аппарата. Самый прекрасный образ, созданный Сент-Экзюпери, даже более прекрасный, чем образ Ривьера, – это образ человека, чье мужество исполнено такой простоты, что рассказывать о его мужественных поступках было бы смешно.

«Ошедэ – бывший сержант, недавно произведенный в младшие лейтенанты. Разумеется, образования ему не хватает. Сам он никак не мог бы объяснить себя. Но он сложен, он целен. Когда речь идет об Ошедэ, слово «долг» теряет всякую напыщенность. Каждый хотел бы так исполнять свой долг, как его исполняет Ошедэ. Думая об Ошедэ, я корю себя за свою нерадивость, лень, небрежность и, прежде всего, за минуты неверия. И дело тут не в моей добродетели: просто я по-хорошему завидую Ошедэ. Я хотел бы существовать в той же мере, в какой существует Ошедэ. Прекрасно дере-

³⁶ Дени де (род. 1906) – швейцарский франкоязычный писатель.

во, уходящее своими корнями глубоко в почву. Прекрасна стойкость Ошедэ. В Ошедэ нельзя обмануться»³⁷.

Мужество не может возникнуть в результате ловко составленной речи, оно рождается из своего рода наития, которое становится действием. Мужество – это реальный факт. Дерево – это реальный факт. Пейзаж – это реальный факт. Мы могли бы мысленно разъять на составные части эти понятия, прибегнув к анализу, но это было бы пустым занятием и только нанесло бы им ущерб... Для Ошедэ быть добровольцем совершенно естественно.

Сент-Экзюпери относится пренебрежительно к отвлеченному мышлению. Он мало верит в различные идеологические построения. Он бы охотно повторял вслед за Аленом: «Для меня всякое доказательство заранее порочно». Как могут абстрактные понятия заключать в себе истину о человеке?

«Истина не лежит на поверхности. Если на этой почве, а не на какой-либо другой апельсиновые деревья пускают крепкие корни и приносят щедрые плоды – значит, для апельсиновых деревьев эта почва и есть истина. Если именно эта религия, эта культура, эта мера вещей, эта форма деятельности, а не какая-либо иная, дают человеку ощущение душевной полноты, могущество, которого он в себе не подозревал, – значит, именно эта мера вещей, эта культура, эта форма деятельности и есть истина человека. А здоровый

³⁷ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М., «Гослитиздат», 1964. – С. 388.

смысл? Его дело – объяснить жизнь, пусть выкручивается как угодно...»³⁸

Что же такое истина? Истина – это не доктрина и не догма. Ее не постигнешь, присоединившись к какой-нибудь секте, школе или партии. «Истина человека – то, что делает его человеком»³⁹

³⁸ Сент-Экзюпери А. де. Соч. – М.: «Гослитиздат», 1964. – С. 277.

³⁹ Там же, С. 286.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.